

Рецензия на книгу:

Человек в культуре русского барокко: Сб. ст. по материалам междунар. конф. / ИФ РАН; Историко-архитектурный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М., 2007. 613 с.

Одна из интереснейших и до сих пор остро дискутируемых проблем, встающих перед исследователями культуры XVII–XVIII вв., связана с определением специфики и границ русского барокко. В советской науке на протяжении десятилетий само существование этого культурного феномена было под вопросом: определение его как стиля католической контрреформации было причиной негативных оценок самого явления и отрицания его распространенности у восточных славян.

Всплеск интереса к русскому барокко пришелся в отечественной науке на последнюю четверть XX в., что в значительной степени было стимулировано исследованиями Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Л. А. Софроновой, Л. И. Сазоновой, других российских ученых, а также выдающегося слависта, представителя украинской эмиграции, Д. Чижевского. О том, что проблема барокко на русской почве остается по-прежнему актуальной, свидетельствует проведение Институтом философии РАН в сентябре 2006 г. международной конференции «Человек в культуре русского барокко». Итогом ее стал выпуск сборника, включившего 45 статей, авторами которых являются российские и зарубежные ученые: философы, культурологи, историки, филологи, искусствоведы. В статьях сборника, сфокусированных вокруг проблемы антропологии русского барокко, обсуждаются вопросы мировоззрения, новых ментальных установок человека переходной эпохи, рассматривается отражение барочного дискурса в разных видах деятельности, жанровые и стилистические новации в искусстве и литературе. Именно междисциплинарный подход позволил увидеть, насколько широкое распространение имело барокко в России, затронув все сферы духовной и бытовой культуры.

Уникальное научное значение вышедшего сборника заключается прежде всего в том, что в его статьях представлен огромный массив источников самого разнообразного характера, многие из которых впервые подвергаются интерпретационным характеристикам.

Составителем сборника (его ответственным редактором является д-р филос. наук М. С. Киселева) предпринята попытка решения непростой задачи классификации статей, написанных представителями разных областей гуманитарного знания. Они распределены по пяти главам, в соответствии с выделенными проблемными полями. Статьи, составившие первую главу («Барокко в фокусе междисциплинарных исследований: европейский культурный контекст»), посвящены наиболее дискуссионным вопросам теоретического характера, касающимся специфики русского барокко, определения констант барочного дискурса и написаны преимущественно с культурологических позиций.

Сборник открывается принципиально важной статьей В. Живова, имеющей теоретическое значение («К типологии барокко в русской литературе XVII – начала XVIII в.»). Исходя из известного положения о том, что барокко в России связано с процессом европеизации культуры, автор сравнивает западное барокко с его русским аналогом. Доминирующим признаком европейского барокко, повлиявшим на его стилистику и концептологию, автор статьи считает установку на многозначность текста, обусловленную в свою очередь постренесансным отрицанием гармонии мира, ощущением его иллюзорности. Барочная стилистика, включающая специфический метафоризм, энигматичность, реализующая концепты «мир есть сон» и «мир есть театр», является (с этой, семиотической по

сути, точки зрения) стилистикой многозначности. Что касается русской литературы барокко, как считает В. Живов, в силу присутствия ей установки на религиозный дидактизм, ей не свойственны «смысловая глубина и смысловая двуплановость». По мнению исследователя, апеллирующего в основном к поэзии силлабиков и прежде всего Симеона Полоцкого, заимствовались только внешние элементы, а не принципиальные установки. Выделение единственной главной доминанты, составляющее сложнейшую задачу для многих исследователей, позволяет автору статьи создать стройную картину «идеального» варианта барокко и сделать выводы о его редуцированном, усеченном варианте на русской почве. Однако обильнейший материал, содержащийся в рецензируемом сборнике, заставляет усомниться в безупречности такого подхода.

Теснейшую связь с христианской традицией, с богословием Д. Чижевский называл среди главнейших особенностей русской барочной культуры. Безусловно, это определяется ведущими константами русской духовной культуры, своеобразием национального пути. Чрезвычайно важным в аспекте решения проблем русского барокко следует признать то, что в рецензируемом сборнике значительное место отводится анализу богословско-проповеднической традиции, религиозной полемической литературы. Барочная интенциональность охватила представителей противоположных партий в идейно-религиозной борьбе. В поле зрения исследователей оказываются и крупнейшие церковные деятели (особое внимание уделяется фигуре патриарха Никона), и представители раскола; барокко затронуло и «латинствующих», и «грекофилов».

Так, например, в статье М. Киселевой (она входит в третью главу сборника, названную «Человек верующий: “мир с Богом” в барочной культуре») показана принципиальная новизна по отношению к православному традиционному проповедническому творчеству Симеона Полоцкого, испытывавшего сильное влияние иезуитской практики. В сборнике проповедей «Обед душевный», как показала исследовательница, отражена барочная антропологическая конструкция, в которой тело выполняет подчеркнута демонстративную функцию. Насыщенность визуализирующими образами, апеллирование к человеческому телу, к органам чувств,

динамизм сопряжения духовной и телесной сфер, рациональная аргументация, соединенная с яркими чувственными образами, наглядно свидетельствуют о более глубоком, далеко не поверхностном проникновении барочных идей, барочного мироощущения в творчество одного из самых ярких представителей московского барокко.

Отличие русского варианта барокко от европейского является бесспорным фактом. Мнение Д. С. Лихачева о том, что барокко в России, в силу ряда особенностей историко-культурного пути, перенимало некоторые функции Ренессанса, разделяют многие авторы сборника. И не случайным представляется отказ большинства исследователей от односторонних характеристик не только русского барокко, но и самого концепта барокко (от них предостерегал и основоположник теории славянского барокко Д. Чижевский). Так, например, Л. Черная, считая, что барокко не представляло собой целостной мировоззренческой системы, манифестированной в стройную систему, предлагает говорить о *мироощущении* барокко, отмечая его доминирующие особенности, среди которых – экзистенциальное переживание дисгармонии бытия, идея торжества смерти, изощренный мистицизм (вместо гуманистического гедонизма) и др. Вместе с тем, обращаясь к книжным и рукописным источникам, к сочинениям представителей русского барокко от Симеона Полоцкого до Дмитрия Ростовского, исследовательница отмечает в них отражение целого комплекса идей, известных по трудам итальянских гуманистов XIV–XVI столетий, подтверждая и конкретизируя наблюдения Д. С. Лихачева. Синкретизм русского барокко является, очевидно, его сущностной чертой, а не свидетельством эклектического усвоения западных идей, не проявлением усеченной редукции.

Как известно, развитие барокко в России определялось ее включенностью в европейский культурный процесс, и важнейшая роль в трансляции барочных идей принадлежит Украине, южно-русской книжной и богословско-проповеднической традиции. Поэтому закономерным представляется выделение отдельной (второй) главы «Украинская культура XVII – начала XVIII в.: истоки московского барокко и трансляция европейских барочных идей». В центре внимания авторов статей этого раздела –

украинские полемические сочинения конца XVI – начала XVII вв., подготовившие восприятие барочного богословия в России с 40-х гг. XVII в.; издания Острожской и Виленской типографий конца XVI в. и деятельность Московского печатного двора в XVII в. (статья Т. А. Опариной); философско-этическая система Иннокентия Гизеля (Л. Довга, В. Павлов); религиозно-просветительские взгляды автора «Учительного евангелия» Кирилла-Транквиллиона Ставровецкого, Лаврентия Зизания, создавшего «Грамматику», Петра Скарги, Мелетия Смотрицкого (М. Кашуба). Сочинения всех этих авторов прочно вошли в русскую книжную и рукописную традицию, кроме того, составили круг книжных авторитетов в старообрядческой письменности.

В статье Ю. Шустовой рассматриваются яркие образцы книжной барочной культуры – геральдические композиции в книгах киевской и московской печати. Барочная трансляция древней мифологемы «Киев – Новый Иерусалим», отраженная в гравюрах и литературных памятниках эпохи «мазепинского барокко», исследована в глубокой содержательной статье Л. Бережной. Важное значение для изучения русской религиозной книжности XVII в. (как и последующей старообрядческой традиции) имеют наблюдения М. Корзо, обратившей внимание на малоизученный жанр катехизиса. Появление и развитие его в московской книжности связано, как показано, также с украинско-белорусским влиянием, с переносом на московскую почву нового типа барочной учености. В своей статье исследовательница привлекает к изучению рукописные катехизисы Симеона Полоцкого, а также малоизвестные памятники этого жанра, созданные Феофаном Прокоповичем.

К украинско-белорусским источникам обращаются и исследователи русской церковно-православной и старообрядческой культуры XVII–XVIII вв. (третья глава «Человек верующий: “мир с Богом” в барочной культуре»)¹.

¹ Отметим, не ставя это в упрек составителю сборника, осуществившему сложнейшую работу, что распределение статей по пяти разделам, придающее сборнику композиционное единство и приближающее его к жанру монографии, до известной степени условно. Сложность явления, выраженного заглавием сборника, диктует привлечение в каждом отдельном

В нескольких статьях в ракурсе барокко рассмотрены личность и деятельность патриарха Никона. И если в его эпистолярном наследии более сильны средневековые традиции и выделение барочных элементов спорно (С. Севастьянова), то анализ богословско-полемического сочинения «Возражение, или разорение», включающего ответ газского митрополита Паисия Лигарида на вопросы боярина Симеона Стрешнева, а также деятельность патриарха по возведению Богоявленской пустыни в Новом Иерусалиме, по созданию герба сомнений в его открытости новым веяниям не оставляют (Г. Зеленская). Представление о Ново-Иерусалимском монастыре как центре «монастырского» варианта русского барокко дополняет исследование процветавшей там эпиграфической поэзии – на материале эпиграфии архимандрита Германа патриарху Никону ее рассматривает А. Авдеев.

Другой полюс религиозного движения в России переходного периода представляло старообрядчество. Н. Гурьянова, чьи научные труды уже существенно изменили сложившееся представление о традиционализме старообрядцев XVIII в., в своей статье показала, что они не ограничивались московскими изданиями книг южно-русского происхождения конца XVI – начала XVII вв., уже прочно вошедшими в русскую богословско-проповедническую практику (в частности, вошедших в число книжных авторитетов уже у староверов первого поколения «Кирилловой книги» и «Книги о вере»). Староверы Выговского центра в XVIII в. существенно дополнили круг книжности, испытавшей влияние украинско-белорусской учености, за счет сочинений Иоанникия Галытовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, переводов Епифания Славинецкого, что оказало влияние на систему аргументации, способы ведения полемики. Причем, как показано в статье Н. Гурьяновой, произошло это отчасти через посредничество книги, составленной писателями патриаршего круга в начале 90-х гг. XVII в. – «Щита веры». Цитаты из украинско-белорусских сочинений, ссылки на них характерны для ряда оригинальных полемических и догматических сочинений староверов, в частности

случае обширного контекстного материала и, соответственно, определяет круг общих тем и источников.

Дьяконовских и Поморских ответов, а также для вполне оформленного выговцами эсхатологического учения.

Интерес к эсхатологии характерен в переходную эпоху не только для старообрядцев. Четвертая глава сборника («Время барокко: история и эсхатология») посвящена анализу специфического отражения важнейшей для барочной концептологии темы смерти – И. Дергачева рассматривает эсхатологическую тематику в западно-русских синодиках XVII в., испытавших влияние барочной эстетики.

По наблюдениям Л. Сукиной, сочинения и деятельность барочных писателей, выходцев с Украины и Белоруссии, оказали влияние на изменение понимания смерти (в это время утверждается восприятие смерти как итога земной деятельности, имеющей самостоятельную ценность для потомков), а также на важнейшую составляющую православной обрядности – поминальную традицию. У истоков этого процесса, как считает исследовательница, находилось сочинение Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный». Модификации в религиозно-обрядовой сфере, проникновение элементов нового религиозного сознания – явления, с которыми нельзя не считаться, осмысляя сущность культурных процессов в России переходного периода. Это и другие исследования должны повлиять на теоретические выводы о сущности русского барокко – анализ конкретного культурно-исторического материала свидетельствует, что рецепция западного стиля не ограничилась уровнем стилистики.

В других статьях раздела исследуются изменения в осмыслении временных категорий, характерные для переходной эпохи, изучается отношение барочного человека к историческому времени и вечности. Причем истоки формирования исторического сознания в России Р. Симонов связывает с установкой первых московских общественных часов 1404 г.

Многообразные лики барокко в России XVIII в. представлены в пятой главе «Человек в “имперском барокко”»: повседневность светская и духовная». Антропологические представления Феофана Прокоповича, его трактовка отношений человека и власти оказываются результатом усвоения современных ему западных учений (Т. Чумакова). Исследовательница отмечает в его произведе-

ниях и характерную для позднего Средневековья и барокко акцентуацию темы бренности человеческой жизни. Совмещение барочных и просветительских тенденций в эпоху Петра I, модификации политических и социальных взглядов века Просвещения – предмет обсуждения авторов статей, составивших этот последний раздел сборника.

Книга содержит два приложения, имеющих ценнейшее значение для всех, кто занимается русской культурой переходного времени: это перевод фрагментов сочинения Иннокентия Гизеля «Диспут о чувственной душе» и републикация классической статьи Д. Чижевского «К проблемам литературы барокко у славян».

Сборник не только демонстрирует современный уровень научного знания о русском барокко². Богатейший источниковый и интерпретационный материал его статей открывает пути новым исследованиям, способен повлиять на теоретическое осмысление этого сложного и во многом еще загадочного культурного феномена.

О. Д. Журавель
канд. филол. наук,
старший научный сотрудник
Института истории СО РАН
(Новосибирск)

² Для полноты научной картины среди статей сборника явно не достаточно работ филологов. Многие жанры литературы, испытавшие новационные, в частности, барочные веяния, оказались вне поля зрения исследователей. Однако некоторый культурологический и исторический уклон объясняется тематикой конференции.